

10 августа). Думается, что под адекватным ответом здесь следует понимать именно физическое уничтожение особо злостных преступников, совершающих такие злодеяния. К сожалению, в дальнейшем Президент изменил свою позицию, неоднократно высказываясь против восстановления смертной казни в России (которая, кстати, на законодательном уровне вовсе и не отменялась).

Думается, что свое веское слово при сложившихся обстоятельствах должно сказать российское общество, российский народ, являющийся «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» (ст. 3 Конституции РФ).

В условиях слабости действия нравственных и правовых норм, хрупкости демократических институтов и традиций, отсутствия правовой государственности отказ от применения к особо злостным преступникам — убийцам и террористам — смертной казни, на наш взгляд, выглядит необоснованным. Его вполне можно расценивать как одну из форм проявления международно-правового популизма, как стремление продемонстрировать лояльность российской власти перед цивилизованным и благополучным Западом (*Малько А.В., Жильцов С.В.* Смертная казнь в России. М., 2003. С. 6, 209). Но такой «гуманизм» уже стоит и будет еще стоять жизни многим гражданам России. К тому же законодательная отмена смертной казни приведет к активизации ее нелегальных форм, носящих внесудебный характер, — актов кровной мести, самосудов, заказных убийств и т.п.

Эра милосердия в России еще не наступила.

И. Смирнов

МЕЖДУ ВОЛКОМ И ПАСЮКОМ

Мы наблюдаем очередной приступ дискуссии о смертной казни. Именно «наблюдаем», потому что господа, принимающие решения, не слишком интересуются мнением

«населения». Как изящно выразился в прошлом году председатель думского комитета по законодательству Павел Крашенинников, «с юридической точки зрения все ясно, обязательства надо выполнять. Но ни в одной стране мира общество не поддерживает отмену смертной казни, так что для политика это будет не популистское решение».

Многозначительная формулировка, не правда ли? Оказывается, у политиков, именующих себя демократическими, есть «обязательства» друг перед другом, которые они обязаны выполнять вопреки воле избирателей.

Но иметь собственное мнение нам никто пока еще не запретил. А чтобы оно было основательным и аргументированным, следует с самого начала отделить социальную проблему от демагогии.

Некоторые всерьез уповают на жестокость как на универсальное средство врачевания общественных недугов. Зачем институты и академии? Достаточно одного хирурга, причем не со скальпелем, а с топором. Эта позиция растет из банального невежества, поэтому не требует специальных опровержений.

Куда основательнее подошли к делу апологеты либерастии. Употребляю неологизм, чтобы с самого начала жестко отделить эту идеологию от классического буржуазного либерализма. Различие такое же принципиальное, как, например, между Г. Зюгановым и К. Марксом. Еще совсем недавно (в масштабе госпожи Клио) в респектабельном обществе считалось само собою разумеющимся, что ни за какое преступление, кроме убийства, казнить не надо, — но, с другой стороны, убийство при отягчающих обстоятельствах закономерно и справедливо ведет на гильотину или на электрический стул.

Агата Кристи искренне недоумевала, когда ей предлагали посочувствовать существу, которое из-за нескольких фунтов стерлингов до смерти забило женщину. С точки зрения писательницы, сочувствия скорее заслуживала жертва преступления.

Современные пасюки (от ПАСЕ — Парламентская ассамблея Совета Европы) и их единомышленники в России подходят к вопросу совсем с другой стороны — со стороны

убийцы, которому должно быть обеспечено его «право на жизнь». Смертная казнь — «варварство», «нецивилизованная форма воздаяния».

Вот специальная полоса газеты «Известия». Заявленная как дискуссионная — «можно по-разному относиться к идее смертной казни...», — она демонстрирует широкое разнообразие одной и той же точки зрения во всех статьях, включая введение от редакции. Оппоненты представлены цитатами в рамочках: из выступления Э. Росселя (3 предложения) и из А. Инина (2 предложения), причем идеологически невыдержанные ключья выдраны из контекста таким образом, чтобы читатель, упаси Бог, не успел уловить в них никакой логики. Собственная аргументация строится по методу В. Гусинского: ему про чужие деньги, он про восстание в Варшавском гетто. В первом же тексте за подписью А. Архангельского возникают «лагеря смерти, созданные фашистами...», далее эта тема развивается Юлией Кантор в целый исторический очерк о Заксенхаузене, который был бы всем хорош, если бы имел хоть какое-то отношение к теме. Рядом теоретизирует Ю. Богомоллов: «Демократия в США — одна из самых массовидных». А вода, надо полагать, одна из самых мокрообразных.

Воля ваша, господа либеральные заседатели, но позиция, которая отстаивается такими способами, вызывает инстинктивное недоверие. Настораживает и то, что радикальная антифашистка Ю. Кантор буквально на следующий день, а именно 22 июня (!) публикует в той же газете подобострастное интервью с Лени Рифеншталь — кинематографической прислугой А. Гитлера.

Дело, конечно, не в личных качествах журналистов газеты «Известия» — ее мы берем как характерный образчик жанра, как источник, по которому можно изучать методику промывания мозгов. Дело в том, что вся идеология либералов пронизана лицемерием, как трухлявый пенек — мицелием гриба.

Самое главное и потрясающее противоречие достаточно давно отметил Михаил Чулаки и мало того, что отметил, — сумел опубликовать свою работу в общедоступном

СМИ. Теперь «гражданам сверхгуманистам» удобнее делать вид, что статьи Чулаки просто не было. Поэтому напомним и выделю суть.

Парадокс № 1. Государства, которые в ультимативном порядке требуют отменить смертную казнь, сами ее не отменяют.

Вдумайтесь. Если бы члены Советов Европы действительно считали, что «убийство людей государством» — «варварство, несовместимое даже со статусом наблюдателя в этой международной организации», они должны были бы немедленно распустить армии. Но ведь ничего подобного ни в Англии, ни во Франции, ни даже в цитадели европейского правосудия и наркоторговли — в Голландии — не происходит. Наоборот. Орудия смертной казни, куда более эффективные, чем гильотина или электрический стул, производятся, совершенствуются и без колебаний применяются. Под аплодисменты тех же самых холеных ручонков, которые подписывают протесты против казни Т. Маквея.

Здесь читатель, воспитанный «Известиями», конечно, возмутится. Вы, мол, передергиваете. Снаряды и бомбы применяются в военное время к гражданам чужого, враждебного государства. Но позвольте! Вся кампания Совета Европы строится именно на том, что «государство не вправе убивать» — это догма, которая не может быть пересмотрена ни по каким формально-юридическим основаниям.

Может быть, все-таки сделаем исключение для особи, которая хладнокровно вырезала 57 человек, в основном женщин и детей? — изогнувшись в поклоне на Запад, спрашивает Украина.

Может быть, тот, кто взрывает жилые дома..? Ведь у нас в Уголовном кодексе предусмотрено... — это уже Российская Федерация становится в очередь к кабинету начальника.

Нельзя! — раздается из кабинета грозный окрик. — Догма на то и догма, что из нее не может быть никаких исключений.

Ни для серийных убийц, ни для садистов, ни для террористов. Разве что для югославских детишек, которых добренькие пасюки обрекли на смертную казнь без вины, без

суда и без права на обжалование. Завтра казнят еще несколько иракских. Они виноваты в том, что авиации НАТО нужно проверить новую систему лазерного наведения. Потом, например, белорусских. За то, что их папы и мамы выбрали не правильного президента (он мешает офшорным компаниям Дж. Сороса приватизировать промышленность и до сих пор не предоставил бывшим полициям те же льготы, что и участникам войны).

Это позиция. Ясная и однозначная. Вы задали вопрос — вам на него ответили. Решайте, как дальше жить с этим ответом. Но не делайте вид, что вы его не слышали.

Отрицание смертной казни по религиозным соображениям в подавляющем большинстве случаев тоже отдает лицемерием. Иногда это просто бросается в глаза. Например, рассказ о трудностях, с которыми сталкивается Папа, добиваясь от властей США помилования убийц, заканчивается таким пассажем: «Подобный выбор уже был у Понтия Пилата. На одной чаше весов — карьера, спокойная жизнь, надо лишь признать приговор суда и согласиться с криком народа: "Распни Его!" На другой — жизнь Человека. Этот выбор каждый делает для себя». Но Понтий Пилат санкционировал казнь невиновного. А в статье речь идет... о торговце наркотиками, который вместе с опасным свидетелем для гарантии заодно вырезал и всю его семью. Получается шулерство. Примерно как у «Известий» с Заксенхаузенем.

Но настоящий камень преткновения — глубже. Если мы при решении общественных вопросов всерьез обращаемся к Писанию не как к одному из множества сочинений, представленных на полках Исторической библиотеки, а как к источнику особой, спасительной мудрости, то следовало бы выполнять все его указания, а не выборочно — какие в конъюнктуру вписались. В Ветхом Завете заповедь «Не убий» уравновешена подробнейшими рекомендациями, как именно нужно убивать, причем не только преступников. Возьмем Евангелия. Учение Христа куда более последовательно (настолько, насколько это вообще возможно), к тому же оплачено жизнью (заметим — собственной, а не чужих детишек). Но это именно учение, а не сборник афоризмов. То, что он гово-

рит о воздаянии за зло, вписано в определенную систему координат, в иерархию ценностей и неразрывно связано, например, с весьма специфическим отношением к государству. Христианство очень неудобно для жизни. Для государственной службы — тем более. Но так же, как нельзя быть пацифистом по выходным дням и милитаристом по будням или демократом на вывеске и олигархом по сути, так же нельзя быть и христианином парочки цитат, подобранных из разных Евангелий. То есть при демократии не возбраняется объявлять себя кем угодно, — но тогда, чтобы тебя принимали всерьез, желательно разъяснить, на каком основании из целостной системы взглядов ты выбираешь один элемент, не обращая внимания на все остальное.

Тем не менее я совершенно не склонен сводить все возражения против смертной казни к циничному манипулированию общественным мнением.

Хочется верить в прогресс: что со временем насилия между людьми будет все меньше и меньше, а такое крайнее его проявление, как убийство, станет исключительно редким феноменом, вроде копрофагии. Из общественной патологии превратится в клиническую. Тогда естественным образом изменятся и методы социальной самозащиты. Вероятно, некоторые общества уже в XX веке подошли к такому рубежу, когда они могут обойтись без «высшей меры наказания». Это, как правило, маленькие страны с традиционно высоким уровнем жизни в нескольких поколениях. Но и здесь требуется уточнение. «Гуманное» правосудие высокоразвитых стран естественным образом ориентировано на их собственное население. Для среднего голландца даже голландская тюрьма, где кормят по ресторанному меню и на выходные отпускают домой, — все равно наказание. Однако в Западной Европе преступность, особенно организованная, рекрутируется совсем из другой среды. Для алжирского араба, албанца или для нашего соотечественника, получившего в Нидерландах «убежище» непонятно от кого, тамошняя тюрьма является санаторием. Причем дело не только в материальном достатке, но и в системе ценностей. Для большинства голландцев полицейский — это уважаемый специалист. (Люди, бывавшие в Голландии, уточняют: не про-

сто специалист, а лучший друг.) Насилие — нечто чрезвычайное, враждебное принятому распорядку жизни. Для иммигранта тот же полицейский — враг, «легалый». Правдивые показания — «стукачество». А насилие — обычный способ выяснения отношений как в семье, так и за ее пределами.

Поэтому иммигрантская община, если она не ассимилируется, просто выпадает из либерального правосудия в свое обычное право, которое как раз применяет смертную казнь очень широко. То же самое происходит с мафиозными структурами. И именно то, что их «правосудие» значительно более жестокое, — то есть адекватное ситуации! — дает им колоссальное преимущество в борьбе с государством.

Вот здесь мы и подходим ко второму принципиально важному рубежу.

Парадокс № 2. Смертную казнь невозможно отменить.

Ни указом, ни законом. Если общество к этому не готово, закон останется на бумаге, а слишком «гуманное» правосудие просто передоверит функции палача кому-то другому, кто не стеснен ни излишней рефлексией, ни процессуальными нормами.

Вспомним, как в период военного коммунизма отменяли рынок. Отменили? На бумаге — да. А в действительности получили натуральный обмен + полюдые. Максимальный успех, которого могли добиться анархисты в осуществлении своей тоже очень благородной (кроме шуток!) идеи, — то, что государством становилась ближайшая банда. Сначала анархистская, потом какая ни попадя. По такой же схеме можно отменять и все остальное. Например, канализацию — чтоб не воняло. Тогда ее функции возьмет на себя сточная канава. Тоже канализация! Только очень примитивная, первобытная, плохая.

Газетчики выкапывают из исторического музея, — то есть, виноват, из популярных книжек типа Э. Радзинского — какой-нибудь образец и начинают поучать политиков: вот мол, император Ашока отменил смертную казнь, и в «Русской правде» никакой «высшей меры» не предусмотрено. И императрица Елизавета была добрая женщина. Взяла

перо — и все! При папаше головы рубили как капусту, а при дочери по всей Руси Великой наступило полное Сан-Марино. Реже ссылаются на несчастного Лжедмитрия Первого. Видимо, результат его «моратория» оказался слишком уж очевиден и скор для него самого.

История, к сожалению, закономерна. Как только начинаешь всерьез разбираться в каждом из популярных примеров «самодержавия с ангельским лицом», идеологическая схема распадается. Искать в далеком прошлом чудеса либерализма — занятие такое же перспективное, как, например, реконструировать чертежи ракет по рельефам доколумбовой Америки. Во избежание «споров о словах» подчеркиваю еще раз: смертную казнь мы рассматриваем как общественное явление, а не как юридическую форму. В первобытном обществе формы не было, и быть не могло (за неимением государства и письменности), а явление практиковалось очень широко. Любой взрослый мужчина из вражеского племени считался приговоренным. Точь-в-точь как в «молодых демократиях СНГ», где вооруженные банды (переименованные в «воинские части») во главе со своими атаманами («полковниками» и «бригадными генералами») открыто, при свете дня отправлялись на расправу с соседями. Проверка паспортов в автобусах, после которой всех мужчин, прописанных в неправильном районе, выводят на обочину и расстреливают, — это смертная казнь или нет? Бандитизм? А если бандиты — в погонах и по итогам проведенной «чистки» получают награды от официальных властей, признанных «международным сообществом»? А убийство по приговору «шариатского суда»? Суд Линча? Но Линч, который этот суд назначил, в ПАСЕ именуется «президентом Чечни». С ним нужно вести «политические переговоры». Если представить, что они будут проведены, и режим Масхадова очередной раз легализован, значит, станет легальной и его правовая система? И все те, кого линчевали, автоматически перейдут в категорию официально казненных? Как видите, формальный подход безнадежно запутывает.

В «Русской правде» вы не найдете привычной формы ответственности перед государством за тяжкие преступления

именно потому, что тогдашнее государство — молодое и неразвитое — многие функции уголовного суда оставляло за общественной самодеятельностью (самодеятельность называлась «кровная месть», и это тоже юстиция, только первобытная). Примерно то же самое происходит, когда современное государство — бессильное и парализованное либерастией — отказывается защищать своих граждан. Возрождаются древние формы юстиции, гораздо менее справедливые (да простят меня авторы исторических романов) и гораздо более жестокие. И это еще лучший из вариантов. Свидетельство того, что в обществе сохранился инстинкт самосохранения. В худшем случае нормальные люди — труженики и налогоплательщики — становятся бесправными рабами криминальных структур, которые и утверждают свой «закон» в качестве общенародного.

«Всеу свое время, и время всякой вещи под небом».

У Валерия Чалидзе можно найти документальные свидетельства того, как «исключительно редко» применялась смертная казнь в «России, которую мы потеряли», а также примеры «индивидуальной изобретательности» в ее применении: «вору забили в задний проход кусок палки, в которой сделали надрезы вроде зубьев, чтоб нельзя было вынуть обратно...», и т.п. Реалии «низовой» юстиции не учитывались официальной статистикой — поэтому сегодняшние публицисты могут сочинять сказки про потерянный рай, который в 1917 году без видимых причин обернулся крошечным адом.

О буддистском эксперименте индийского царя Ашоки известно меньше. Не хватает источников. Но ясно, что империя Ашоки ненадолго пережила доброго царя. Впрочем, дело его китайского современника Цинь Шихуана, который как раз казнил с удовольствием, оказалось ничуть не прочнее. А по-человечески симпатичнее, конечно, Ашока. Но это все — преданья старины глубокой. У нас перед глазами примеры живые и яркие.

«Отмена смертной казни» в Латинской Америке выразилась в широчайшем распространении самых диких ее форм: «эскадроны смерти» (из тех же полицейских, военных и судебных чиновников, которые в свободное время делают

то, что им не позволено на работе); «народные трибуналы» левых повстанческих движений; организованный массовый террор наркокартелей; убийства в тюрьмах и при задержании. Говорить о какой-то отмене смертной казни в «бывшем СССР» в 1990-е годы тоже можно только в жанре черного юмора. Или формально-юридического идиотизма, что одно и то же. Количество убитых только в результате открытых вооруженных конфликтов и этнических чисток, инспирированных властными элитами на местах, измеряется сотнями тысяч, и в это число не входят жертвы повседневного криминального террора, которых трудно даже подсчитать, поскольку статистика заведомо недостоверна.

Но из того же печального опыта нашего «бывшего» Отечества произрастает самый серьезный — пожалуй, единственный по-настоящему серьезный — аргумент против отмены ельцинского моратория на смертную казнь.

Максим Соколов: «У нас сложилось классовое правосудие, при котором человек, могущий потратиться на хорошего адвоката, всегда выходит сухим из воды, а простолюдин получает 5 лет за кражу двух мешков зерна ...Украдешь булку, — попадешь в тюрьму, украдешь миллион, — попадешь в сенаторы...»

Иными словами, те же самые судьи, которые сегодня квалифицируют убийство 6 человек как «хулиганство», завтра могут отправить на расстрел случайного прохожего. Все зависит от суммы. Максим Соколов и Александр Абельский делают вывод: опасно вооружать безответственный суд топором палача. И это правда. Но не вся правда.

Во-первых, аргумент против смертной казни в России обратной стороной поддерживает смертную казнь там, где государство не разложилось, будь то Соединенные Штаты или Китай.

Во-вторых, наше правосудие за 10 лет неплохо приспособилось к «закону язычества», и сегодня официальная «высшая мера» — слишком сложный, заметный, опосредованный множеством инстанций и медленный способ расправы. Есть другие средства, куда более эффективные. Сами условия содержания в наших тюрьмах обеспечивают во много раз больше смертей, чем все расстрельные статьи УК до

моратория. И не простых, а мучительных. Причем чем дальше человек от организованной преступности — то есть чем он невиннее! — тем легче подвергнуть его жесточайшим наказаниям, которые не прописаны ни в одном кодексе и ни в одном протоколе.

В-третьих, наш суд разлагался не сам по себе, а вместе со всей страной. Разве политические структуры или СМИ (то же самое ОРТ, где работает М. Соколов) находятся в лучшем состоянии? Руководствуясь логикой М. Соколова, мы должны отменить всякие выборы — известно же, как свободно и честно они проходят. А уж армия — прямая угроза народному спокойствию. Ее сам Бог велел разоружить. Но аналитик ОРТ и «Известий» к этому не призывает. Напротив, поддерживает операцию в Чечне. И не смущается тем, что в ходе этой операции простые офицеры без высшего юридического образования выносят и сами же приводят в исполнение множество приговоров.

Видимо, молчаливо предполагается, что с вооруженными нарко- и работорговцами и так все ясно. Но разве что-то не ясно для матери, у которой сына или дочь убили точно такие же бандиты, только не чеченские, а свердловские или питерские? Сплошь и рядом они даже в суде не утруждают себя имитацией раскаяния: «подсудимые как во время процесса, так и во время вынесения приговора вели себя достаточно развязно: громко болтали друг с другом, смеялись, слали приветы родным...»

Александр Абельский выступает против смертной казни за торговлю наркотиками: ведь в России «ловят только мелких наркоторговцев, чаще — просто наркоманов с ничтожной порцией зелья, которую сама милиция иной раз и подсовывает, "акулы" же не попадают вообще... Введение смертной казни приведет лишь к увеличению размеров взяток...» На самом деле «попадают» и отравители с крупными партиями. Но на Западе, где они «попадают» гораздо чаще, а взяточничество распространено гораздо меньше, «акулы» наркобизнеса все равно получают символические наказания, и именно в этом — одна из очевидных причин их неуязвимости для полиции, даже самой оснащенной и неподкупной.

А исторически внятный позитивный опыт пока, к сожалению, накоплен только в тех странах, где торговля тяжелыми наркотиками рассматривается как массовое убийство и наказывается соответственно.

«Милость без правды малодушество есть, а правда без милости — мучительство». Как правильно дозировать и направлять государственное насилие, чтобы в результате общее количество зла не увеличивалось, а уменьшалось? У автора этих строк нет универсальных ответов на вопрос. Видимо, его придется в каждой конкретной ситуации решать заново, ориентируясь не на идеологические догмы и бумажную отчетность, а на реальную жизнь, которая не разгорожена по департаментам «права», «экономики» и «политики».

Дискуссию о высшей мере наказания пора переводить с идеологических рельсов на научные. И если уж у нас имеются специалисты, которые способны математически просчитывать социальные процессы (или говорят, что способны), то они могли бы кое-что для общества посчитать.

Например, сопоставить два показателя. 1. Количество судебных ошибок в делах об убийстве. 2. Количество убийц, которым была сохранена жизнь, и которые после этого снова пролили человеческую кровь.

Только при подсчетах желательно обойтись без шулерства. «Судебной ошибкой» называть именно судебную ошибку, то есть осуждение невиновного, а не ситуации типа: убивали втроем, а присяжные потом месяц гадали по кофейной гуще адвокатского красноречия, какой из 10 ударов оказался смертельным. И убийством называть всякое умышленное и преступное лишение жизни другого человека, включая те случаи, когда реальные обстоятельства специально маскируются более мягкой статьей.

Если ставится вопрос о пересмотре (или сохранении?) либерального курса, стоило бы зафиксировать для современников и потомков его результаты. Тогда оценочные суждения и практические рекомендации будут более убедительны.

Хотелось бы, например, ознакомиться со списком тех, кому Борис Николаевич по требованию ПАСЕ сохранил

жизнь: «просто всех приговоренных к смертной казни помиловал». Кто эти «все»? За какие преступления их судили? Как сложились их судьбы в дальнейшем? Список не так уж велик. И если в результате получится не статья, а небольшая брошюра, даже книжка размером со средний детектив, — уверен, что она будет интересна не только специалистам.

То же касается и комиссии по помилованию под председательством А. Приставкина. Вместо общих рассуждений на идеологические темы ей следовало бы публиковать конкретные факты о своей полезной деятельности, которые убедили бы и общество, и президента в том, что этой комиссией облагодетельствованы именно несчастные, укравшие по бедности пресловутые «2 мешка зерна» или «соседскую курицу», а не какие-то еще персонажи совсем из другого жанра.

Упорное стремление «говорить красиво», а не конкретно, вкупе с заявлениями типа:

Корреспондент: ...Есть преступники вроде Чикатило, а есть невиновные.

А. Приставкин: Невиновных не бывает. (?? — И.С.) Они виноваты, но скорей виновато общество, что их довели до свинского состояния, споили и заставили (?? — И.С.) убивать, — все это наводит на худшие предположения.

Давайте же относиться к серьезному вопросу по-серьезному. А пустую болтовню оставим для очередного партийного собрания в ПАСЕ.

Особо отметим популярнейший шулерский прием: статистическими данными, полученными в Бельгии, обосновывается мероприятие в Колумбии или Шри-Ланке. Посылка: отмена смертной казни не привела к ухудшению криминальной статистики. Малозначительная подробность, спрятанная в рукаве: в этой стране и до официальной отмены смертная казнь применялась исключительно редко ввиду традиционно низкого уровня бытовой преступности и отсутствия организованной. «Научный» вывод: то же самое должно сделать государство, у которого тысячи граждан ежегодно становятся жертвами террористов и наркомафии. Это, Петька, наука социология.